

**БОРИС
АКУНИН**

**УБИТЬ
ЗМЕЕНЫША**

**ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

**БОРИС
АКУНИН**

**УБИТЬ
ЗМЕЕНЬША**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия

*«История Российского государства в романах и повестях»
издается с 2013 года*

Оформление переплета — *Е. Фerez*

Иллюстрации *И. Сакурова, М. Душина*

Акунин, Борис

А44 Убить Змееныша: [пьеса] / Борис Акунин. — М.:
Издательство АСТ, 2018. — 128 с. — (История Россий-
ского государства в романах и повестях.)

ISBN 978-5-17-106950-6

*«Русские не римляне, им хлеба и зрелищ много не нужно. Зато нуж-
на великая цель, и мы ее дадим. А где цель, там и цепь... Если же всякий
начнет петься о собственном счастье, то, что от России останется?»*

Пьеса «Убить Змееныша» закрывает тему XVII века в проекте
Бориса Акунина «История Российского государства» и заставляет
задуматься о развилках российской истории, о том, что все и всегда
могло получиться иначе.

Пьеса стала частью нового спектакля-триптиха РАМТ «Послед-
ние дни» в постановке Алексея Бородина, где сходятся не только
герои, но и авторы, разминувшиеся в веках: Александр Пушкин рас-
сказывает историю «Медного всадника» и сам попадает в поле зре-
ния Михаила Булгакова. А из XXI столетия Борис Акунин observa-
ет за юным царевичем Петром: *«...И ничего не будет. Ничего, о чем
мечтали... Ни флота. Ни побед. Ни окна в Европу. Ни правильной сто-
лицы на морском берегу. Ни империи. Не быть России великой...»*

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

© В. Akunin, автор, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

**УБИТЬ
ЗМЕЕНЫЩА**

*Пьеса
в двух актах*

*Перевод со старорусского,
скоморошьего и латыни
Бориса Акунина*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке появления)

Князь Василий Васильевич Голицын,
глава правительства. Красавец сорока пяти лет.

Князь Борис Алексеевич Голицын,
воспитатель царя Петра. Весельчак тридцати
восьми лет.

Двое в черном. Черт их знает кто.

Аникой Трехглазов, сибирский артельщик.
Муж матерого возраста, с круглым родимым
пятном посередине лба.

Скоморох. Человек, у которого вместо лица харя.

Медведь. Умеет плясать и пить водку.

Начальник уличной стражи. Вневремен-
ной персонаж: блюститель порядка.

Шевалье де Нёвилль. Вневременной пер-
сонаж: восторженный иностранец.

**Придворный священник Сильвестр
Медведев.** Вневременной персонаж: рус-
ский умник.

Правительница Софья. Некрасивая женщина не первой молодости.

Царь Петр Алексеевич. Трудный подросток.

Царь Иван Алексеевич. Юноша с проблемами развития.

Дьяк. Вневременной персонаж: работник протокола.

Федор Леонтьевич Шакловитый. Начальник Стрелецкого приказа, человек действия.

Вдовствующая царица Наталья Кирилловна. Нервная дама нервного возраста.

Царица Евдокия. Очень молодая женщина, которой кажется, что она спит.

Пьяницы, стражники, потешные.

Действие пьесы происходит в Москве
и ближнем Подмосковье.

ПЕРВЫЙ АКТ

Картина первая
В КРУЖАЛЕ

Питейное заведение в Москве. На краю сцены, спиной к зрителям, сидят двое мужчин в длинных потрепанных балахонах. Есть и другие столы. За одним медленно ест человек в синем кафтане; перед ним лежит плетка с длинным ремнем, закрученным в кольцо. Рядом с Синим, но не вместе, сидит некто вертлявый. За другим столом плечом к плечу — двое мрачных людей в черном. Они пьют вино, время от времени перешептываются.

Слышен неразборчивый шум множества голосов, пьяный смех. Доносятся отдельные выкрики — вроде бы по-русски, но их смысл непонятен: «Э-эх, жарынь! Нашкалим по дергунцу!», «Ну ты! Ты дудонь-дудонь, да не задудонивай!», «Ай, баско! Ай, кречетом взошла!», «Тужно мне, православные, стрепетно!».

Двое мужчин, сидящих на авансцене, начинают разговаривать, обращаясь друг к другу, но по-прежнему сидя к зрителям спиной.

Первый мужчина. ...Убо речено в достойномудром «Тестаменте от цесаря Басилевса сыну

его Льву Философу»: «Всяк добропромышляющий долженствует измеряти строгою мерою себя, допрежь того никоего же не понося оглавлениями злыми». Еще сиче речено: «Долженствует всякому, ум имущему, присмотретися, како бежати суетнословнаго мудрования человеческий мудрости и беспреткновенно уклоняться гадательныя прелести...»

Второй мужчина. Однако ж сиче еще речено, премудрый брате: «Всяку речению надлежащий час и надлежащее место». В кружале место не красноглаголанию, а питию.

Постепенно диалог становится понятен. Понятными делаются и выкрики кабацкого люда, которыми время от времени прерывается разговор: «Куда вторую наливаєшь?!», «Здоровьица всему обществу!», «Сам ты козлище!».

Первый мужчина. Твоя правда. *(Оборачивается, медленно вглядывается в лица зрителей.)* Народу-то в кабаке. Больше, чем в церкви. А какие рожи! Ишь, пялятся... Зачем ты меня сюда привел, Борис? Ты знаешь, я вина не пью.

Второй мужчина. Ты же любишь народ, всё о нем печалишься. Так погляди на него вблизи. Тебе полезно будет.

Первый мужчина. Это не народ, это бездельники, пьянь кабацкая.

Второй мужчина. Нет, Вася, это и есть народ. Когда ты его из окошка своей кареты видишь, он кланяется, в той же церкви прикидывается благостным, а на воле, сам по себе, он такой. Любуйся. Что, не нравятся тебе православные? Это они еще веселые, пьяненькие. Не дай тебе бог их злыми увидеть.

Первый мужчина (*хочет подняться*).
Идем. Недосуг мне по вертепам сидеть.

Второй мужчина (*удерживает его*). По-
годи. Тут не просто кабак, а именно что вертеп.
Сейчас узнаешь, зачем я тебя привел. Не пожа-
леешь. А, вот и они!

Слышится звук дудки. Входит Скоморох с глумливой харей-маской на лице, с мешком за плечами, тянет на цепи медведя. Сзади идет, приплясывая, дудочник.

Скоморох (*скороговоркой*).

Ой, матицы мои таволжаные,
Ой, оконницы соловые-косячатые,
Ах, колодушка моя перевальчатая,
Ах, головушка моя дуркодырчатая!

Мы карасиков ловили со щетиночками,
Мы сорочек-то ловили со крошечками!
Наловили-нахватили чё ни попадя,
Жрите-кушайте, котята, не сдавитесь!

То ли спьяну мы все сполоумели,
 То ль до белой горячки упились,
 Поглядим наверх — Матьер Божия!
 У Расеи в глазах раздвоение!

Как на небе сияют два солнышка,
 Как в ночи серебрятся два месяца,
 А у нас два царя Алексеича,
 Да один другого диковинней.

Первый мужчина порывисто приподнимается. Второй хватает его за рукав.

Второй мужчина. Слушай, слушай. Дальше интересней будет.

Скоморох.

Сонька-стерва, царевна московская,
Баба ражая да бесстыжая,
Всё милуется с Васькой Голицыным,
Государства всего сберегателем.

Скоморох начинает обниматься и целоваться с медведем. В кабаке гогот. Скоморох идет в обход кружала с шапкой. Человек в синем кафтане кидает в шапку монету. Второй мужчина наливает вина в кружку, подвигает. Скоморох с поклоном берет, отпивает, потом дает допить медведю. Тот тоже кланяется.

Скоморох надевает картонный шлем, берет такую же сабельку, грозно ею размахивает. Медведь машет ему вслед лапой, как бы провожая в поход.

Скоморох.

А вот Васька-ерой на войну идет,
Хочет Крым воевать-завоевывать.
Да пинками его тамо встретили,
Прибежал назад, горько плакася.

Дудочник сбивает Скомороха с ног, гонит пинками в зад. Скоморох роняет шлем и саблю, ползет на четвереньках, бросается с плачем в объятия к медведю, который его гладит, утешает. Хохот еще сильнее.

Второй мужчина. Ну как, нравится?

Врывается уличная стража: начальник с тремя стрельцами. С ними Вертлявый.

Начальник стражи. Слово и дело государево! Бери скоморохов, ребята!

Стрельцы хватают — один Скомороха, второй дудочника. Третий подступает к медведю, тот угрожающе рычит.

Начальник стражи. Кто сопротивляется — руби. На то указ был.

Стрелец берется за саблю. Медведь опускается на четыре лапы, убегает.

Начальник стражи грозно прохаживается по кружалу. Останавливается перед залом.

Начальник стражи. Ишь, сколько вас тут, а только один честный человек нашелся, доложил об оскорблении власти. Глядите у меня, капуста! Посеку в мелкое крошево.

Так же грозно, взглядываясь в лица, идет вглубь сцены, вдоль столов. Стрельцы начинают связывать арестованным руки.

Первый мужчина. Скажи, пускай их отпустят.

Второй мужчина. Шутишь? Они над властью потешались, государей оскорбляли. За это отрезают язык.

Первый мужчина. Плохой закон, глупый. Я пробовал отменить, бояре не дали.

Второй мужчина. Правильно, что не дали. Народ должен к власти относиться с уважением, как к родной матери. А от насмешки недалеко до бунта.

Первый мужчина. Далеко. Пусть лучше болтают и зубоскалят, чем молчат и копят злобу. Вели освободить скоморохов.

Второй мужчина. Ну смотри. Они не надо мной глумились. *(Поднимается.)* Эй, десятник! Прикажи их развязать. Дал острастку, и будет.

Начальник стражи. Ты кто таков распоряжаться?

Второй мужчина скидывает балахон, под которым оказывается богатый кафтан.

Второй мужчина. Я ближний боярин царя Петра Алексеевича князь Борис Голицын. Слышал про такого?

Начальник стражи *(с поклоном)*. Как не слышать? Не прогневайся, боярин, но в таком

деле ты мне не указ. Тут оскорбление обоих царских величеств, да великой государыни Софьи Алексеевны, да пресветлого князя Василия Васильевича, государственных дел оберегателя.

Борис Голицын (*первому мужчине*). Давай уж сам, пресветлый. Видишь, бояре царя Петра у твоих хватальщиков не в чести.

Первый мужчина (*тоже встает и спускает с плеч балахон. Его наряд еще богаче, на шее блестит золотая цепь*). Я и есть Василий Голицын. Делай, как сказал мой двоюродный брат князь Борис Алексеевич. Скоморохов развязать, отпустить. Пусть ловят своего медведя, пока он кого-нибудь на улице не напугал до смерти.

Все сидящие встают, снимают шапки, низко кланяются.
Кланяются и стражники.

Василий Голицын (*оборачивается к залу, морщится, машет рукой*). Ладно-ладно, вы хоть не вставайте. Уж одно что-нибудь: либо не потешайтесь, либо не кланяйтесь... Пойдем, Борис. Будет, повеселились.

За уходящими Голицыными двинулись и двое в черном. Братья остаются на авансцене. Занавес у них за спиной закрывается.

Картина вторая
НА НОЧНОЙ УЛИЦЕ

Борис Голицын. Что, Вася, обиделся? Видал, как они над твоим Крымским походом животы надрывают?

Василий Голицын. Дурачьё! Радовались бы, что обошлось без большой крови, что людей назад живыми привел. Не понимают...

Борис Голицын. А может, это ты их не понимаешь? Вот что такое, по-твоему, русский человек?

Василий Голицын. Человек как человек. Когда с ним по-хорошему — он хороший. С ним по-плохому — плохой.

Борис Голицын. Нет, брат. Ошибаешься. В русском человеке что главное?

Василий Голицын. Что?

Борис Голицын. Он, во-первых, русский, и только во-вторых уже человек.

Василий Голицын. Как это?

Борис Голицын. А так. Вот ты кто? Если совсем коротко и точно, чтоб ни с кем другим не спутать.

Василий Голицын (*подумав*). Кто я? Я — Василий Голицын.

Борис Голицын. Правильно. Человеков много, а ты, Василий Васильевич Голицын, на свете один. То же и с народом. У всякого народа свое лицо, свой нрав, своя судьба. И что одному народу хорошо, то другому гибель.

Василий Голицын. Пускай так. И каков же русский народ?

Борис Голицын. А как тот мишка у скормороха. Недокормишь — задерет. Перекормишь — задурит, не станет плясать под твою

лудку. Тут четыре правила. Кто их соблюдает, того и медведь. Первое правило: кормить корми, да не досыта. Второе: дуди затейно, чтоб хотел плясать. Третье: давай иногда винца попить, чтоб отдыхал душой. А последнее правило, из всех самое железное, какое?

Василий Голицын. Какое?

Борис Голицын. Держи медведя на крепкой цепи.

Василий Голицын. А если без аллегорий? Я знаю, о чем ты и твои приятели Нарышкины в Преображенском мечтаете. Как правительницу Софью свергнуть и государство в свои руки взять. Допустим, удалось вам это. Свергли, взяли. Что станете делать? Ведь погляди на нашу

Василий Голицын. А я думаю, что государство нужно для другого. Чтобы людям лучше жилось. Величие страны в счастье ее обитателей.

Борис Голицын. Проснись, Вася! Это Россия, а не Голландия. Не было здесь никогда такого и никогда не будет. Ты же умный, умнее нас всех, а витаешь в облаках. Давай строить то, что можно построить на этой земле, а не воздушные дворцы.

Василий Голицын. Я без тебя знаю, что много не построю — хорошо, если один или два этажа. Зато построю прочно и оставлю чертеж на будущее. Потом строителям будет легче. Когда-нибудь здание поднимется до небес. И жизнь в нем будет счастливее, чем сегодня.

Борис Голицын. Воистину сказано: нет правителя опаснее мечтателя. Да с чего ты взял, что люди должны жить счастливо? В каком Евангелии это написано? Человек должен выполнять свое назначение и выносить испытания без ропота. Хоть у патриарха спроси, хоть у кого хочешь. У нас, у русских, не величие в счастье, а счастье в величии. Если же всякий начнет печься о собственном счастье, что от России останется?

Василий Голицын. Вот, значит, как ты Петра воспитываешь. И что он, внимает?

Борис Голицын. Леший знает, что у него в голове остается. Зелен он еще, всё по-своему переворачивает. И шальной, вспыльчивый. Я сам иногда его нрава пугаюсь. Но именно такой самодержец России-кобылице и нужен. Петр возмужает — так ее запряжет, так кнутом обожжет, что страна понесется галопом. Ты вот в Преображенском не бываешь, а у нас там дым коромыслом. Что ни день, новые затеи.

Василий Голицын. Знаю, слышал. Царь Петр играет в потешные солдатики, строит потешные кораблики, пляшет немецкие танцы.

Борис Голицын. Ничего ты не знаешь. Пока ты со своей Софьей миловался и сочинял многоумные трактаты, Петр вырос. Он теперь совершеннолетний, женатый. Ему по закону и по обычаю пора самому править, а у нас правит царевна, девка. Долго ль оно продлится? Думай, Вася. Придется вам власть отдавать, куда вы денетесь? И лучше по-доброму. Мы с тобой двоюродные, оба Голицыны. Я о тебе позабочусь. Не дам пропасть.

Василий Голицын. Спасибо, братец. И за совет, и за то, что на представление сводил. Я вот думаю, не ты ли тех скоморохов и нанял?

Борис Голицын. А людей, которые над тобой хохотали, тоже я нанял?

Василий Голицын. Они и над твоим Петром потешаются.

Борис Голицын. Ничего, перестанут. Мы, когда власть возьмем, таких вот скоморохов отпускать не станем. Повесим вместе с медведем, на виду. Для остратки. Чтоб людишки глядели и боялись.

Василий Голицын. И тогда будет величие? Все боятся, все помалкивают — зато Россия великая?

Борис Голицын. Скажи, Вася: Бог велик? А Его боятся и хулить не смеют. Так должно быть и в государстве, иначе развалится твоя башня до небес, как развалилась Вавилонская.

Василий Голицын достает из кармана большие часы-луковицу. Открывает крышку. Часы бьют, играют музыку.

Василий Голицын. Пора мне. Обещался принять француза-посланника.

Борис Голицын. Немецкие? Ловко изобретено. Ничего, догоним Европу, и у нас такие будут. Свои, русские.

Василий Голицын. Нет, так и будете немецкие покупать. Кто боится, много не наизобретает... Прощай, Борис. Время покажет, кто из нас прав... Черт, остановишься ты или нет? *(Он пытается остановить музыку, которая всё играет.)*

Василий Голицын (*ощупывает себя*).
...Вроде да. Откуда они взялись?

Синий Человек. Крались за тобой. Ждали, когда один останешься. Кто они?

Василий Голицын (*без интереса смотрит на тела*). Черт их знает. Кто угодно. Я многим поперек дороги. Прошлой зимой один с ножом прямо в сани прыгнул. У Перекопа ночью шатер над головой прострелили... Скажи лучше, кто ты, молодец? Если бы не ты, лежал бы я сейчас мертвый.

Синий Человек. Я Аникей Трехглазов, сибирский артельщик.

Василий Голицын. И что у тебя за артель?

Трехглазов. Обыкновенная. Сибирская. Ходил за соболем. Добывал, много. Потом стал ходить за золотом. Не нашел пока.

Василий Голицын. А кто тебе приказывает, за чем ходить — за соболем или за золотом?

Трехглазов (*пожимает плечами*). Кто в Сибири прикажет? Сам решаю.

Василий Голицын. Как это — сам?

Трехглазов опять пожимает плечами.

Василий Голицын. Первый раз вижу на Руси человека, который сам решает, как ему жить. Ты и за меня, чужого человека, тоже без

указа на ножи полез. Сам. Редко кто на такое способен.

Трехглазов (*чесет затылок*). Надо бы со-
врать, но не буду. Я знаю, кто ты. Сидел в кружа-
ле, видел. Я в Москву из Сибири с ходатайством.
Хожу по приказам, сую взятки, а дело не дви-
жется. Думал, придется возвращаться несолоно
хлебавши. И вдруг сам оберегатель, князь Голи-
цын! Пошел за тобой, ломал голову, как бы под-
ступиться. И тут такая удача.

Василий Голицын. Ты откровенен. Я это
люблю.

Трехглазов. Что ж ты, князь, один хо-
дишь? Когда на человеке всё государство, без
охраны разгуливать — это не смелость, это...

Василий Голицын. ...Дурость? Вот и она все время так говорит. Не люблю я, когда рядом кто-то топчется. С мысли сбивают. Пойдем со мной, артельщик. Домой мне надо. Расскажешь, что у тебя за ходатайство.

Трехглазов *(показывает на трупы)*. А эти? Надо караульных дожждаться.

Василий Голицын. Они только по доносу шустро бегают. Если грабеж или резня, их не дождешься. Идем, Аникей, идем. Спешу я.

Уходят.

Выбегают нищие, обшаривают убитых, пихаются из-за добычи. Потом уволакивают трупы за ноги.

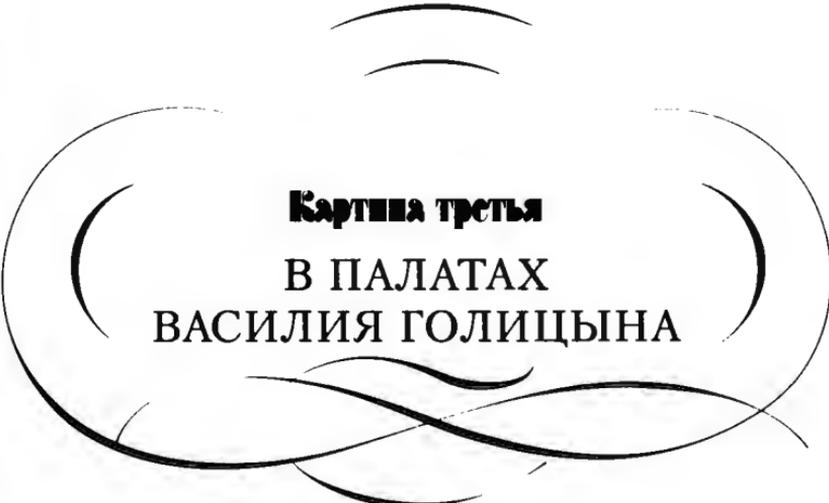
Из-за сцены тем временем доносится разговор.

Василий Голицын. Каково оно, в Сибири?

Трехглазов. Хорошо.

Василий Голицын. Хоть где-то на Руси хорошо. И чем там хорошо?

Трехглазов. А где от начальства подальше, везде хорошо.

Картина третья
В ПАЛАТАХ
ВАСИЛИЯ ГОЛИЦЫНА

Кабинет, вся задняя стена которого в книжных шкафах. Большой глобус на подставке. На стенах европейские картины.

Входят Василий Голицын и Трехглазов.

Василий Голицын. ...А зачем твоей артели промышлять за рекой Амур?

Трехглазов. С нашей стороны золота нету, а там, говорят, есть, много. И не моет никто. Но воевода нас не пускает. Нельзя, говорит. Вот я и приехал в Москву за грамотой. Хожу от одного дьяка к другому. Все обещают, мзду берут, а проку нет. Может, ты поможешь? Выше тебя никого нет.

Василий Голицын. И я не помогу. Правильно воевода вас за Амур не пускает. Там земля китайского богдыхана. Нам с ним ссориться не с руки. Так что зря ты ехал с одного конца России на другой. Но меня встретил не зря. Иначе дьяки с тебя еще долго жилы бы тянули, а

правды не говорили. Что мне с ними делать, сорнячным племенем? Как в присказке: с ними беда, и без них никуда.

Трехглазов. Эх! Год сюда добирался. Теперь год обратно. Ни с чем...

Василий Голицын. Пока не явился посланник, объясни мне, артельщик, про себя. Вижу, что ты непрост, крепок, своим умом живешь. Что ты за человек?

Трехглазов. Я человек сам по себе, наособицу. Живу, как вода.

Василий Голицын. Что это значит?

Трехглазов. А вода всего сильней. Ее ничто победить-погубить не может. Есть куда течь — течет. Преграды огибает. Грянет мороз — застывает. Разожгут огонь — паром в небо уходит. Найдет хорошее место — прольется дождем. Так и я.

Василий Голицын. Да ты философ. Философ, который умеет биться, это большая редкость. А еще ты не болтлив. Пока не спросят, сам не встречаешь... Послушай, Аникей, на что тебе Сибирь, коли ты грамоты не добыл? Оставайся при мне. Вот такого, как ты, я бы, пожалуй, взял охранником. Мне много где бывать приходится, иногда и тайно. Будь моей тенью. Приглядывай, чтоб никто мне в спину нож не воткнул. послужи мне. Будешь хорош — я тебя потом самого в Сибирь воеводой поставлю... Что молчишь?

Трехглазов. ...Думаю.

Голос из-за сцены. Королевский посланник господин Фуа де Нёвилль к твоей княжеской милости!

Василий Голицын. Будь здесь. Погляжу, умеешь ли ты быть тенью.

Трехглазов отступает в угол. Входит Нёвилль, низко кланяется — длинным париком в пол. Голицын идет ему навстречу.

Нёвилль (*не разгибаясь*). *Mihi est honor magnus in domo tuo esse, domine!**

Василий Голицын. *Et mihi est voluptas cum visitore tam illustrato disputare. Asside in sedem, legate honeste**.*

Голицын радушно берет посланника за плечи, усаживает в кресло, сам тоже садится. Дальше зрителей латынью мучить не нужно.

Василий Голицын. ...Господин посланник, во время аудиенции у государыни-царевны я обещал ответить на все твои вопросы в частной беседе. Спрашивай без стеснения.

Нёвилль. Прежде всего позволь еще раз передать сердечную признательность его королевского величества за Крымскую экспедицию.

* Для меня честь быть в твоём доме, господин!

** А для меня честь принимать такого гостя. Прошу тебя садиться, благородный посланник.

Это была блестящая операция! Вы так помогли нам! Благодаря России хан не смог напасть на Польшу, а султан побоялся отправить свой флот в Средиземное море.

Василий Голицын. Главное — турки с татарами знают, что русская армия цела и всегда может вернуться. В политике рука, занесенная для удара, важнее самого удара. Но ты, кажется, собирался говорить со мной не о войне?

Нёвилль. Да, господин, я хочу расспросить тебя о России. В Европе рассказывают удивительное о нововведениях и великих планах русского князя-протектора. Скажи мне, правдивы ли эти вести?

Василий Голицын. Чем же мы удивили Европу?

Нёвилль *(достает книжечку)*. Верно ли, что ты сделал законы милосердными? Что за воровство у вас теперь не казнят смертью, как у нас?

Василий Голицын. Верно. На первый раз только режут уши.

Нёвилль. Неслыханное милосердие! А верно ли, что женщин за убийство мужей у вас более не зарывают живыми в землю?

Василий Голицын. Да. Им всего лишь отрубают голову.

Нёвилль. Это просвещенно, это по-европейски! А еще мне говорили — не знаю, верить ли, что с сирот не взыскивают долгов, если нет никакого наследства. Но ведь это нарушает правила коммерции! Кредиторы несут убыток.

Василий Голицын. Не несут. Долг покойника выплачивает казна. На то и существует государство, а за бездельного отца дети не ответчики.

Нёвилль. А верно ли, что осужденным преступникам у вас теперь дозволено отправляться в каторжные работы вместе с семьями? В чем же тогда суровость наказания?

Василий Голицын. Смысл судебной кары не в наказании, а в исправлении. Человек, не разлученный с семьей, менее склонен к повторному злодейству, а его дети не становятся нищими или уличными воришками.

Нёвилль. Поразительно! Еще я видел у вас в Москве на улицах особых стражников, которые кричат на кучеров, веля им ехать так, а не иначе. Зачем это?

Василий Голицын. Чтобы телеги и повозки не толкались. В одну сторону приказано ехать всем справа, в другую всем слева. Запрещено стегать лошадей длинными кнутами, а то возницы задевали прохожих, отчего на улицах вечно случались драки. Навоз велено за лошадь-

ми подбирать. Пешим указано ходить не посреди дороги, а сбоку, вдоль заборов.

Нёвилль (*строча в книжечке*). Поразительно, поразительно... Сколь великие, сколь небывалые реформы!

Василий Голицын (*всё более воодушевляясь*). До реформ мы пока не дошли. Реформы еще впереди. Вот у меня составлен большой трактат — «Книга, писанная о гражданском житии, или о поправлении всех дел, надлежащих обще

грандиозны! Невероятны! Я хочу написать книгу о том, как Россия поразит мир!

Василий Голицын. Лучше напиши в газету. Газеты мы у себя тоже заведем. Когда побольше людей научатся читать.

Посланник, кланяясь, уходит.

Василий Голицын (*Трехглазову*). Ну, что думаешь про посланника? Серьезный он человек? Не переврет, что я ему говорил?

Трехглазов подходит. Берет у князя часы, что-то с ними делает. Музыка прекращается.

Трехглазов. Про посланника я ничего не думаю. Я про твои речи думаю.

Василий Голицын (*изумленно*). Ты понимаешь латынь?

Трехглазов. Я не всю жизнь по тайге бродил.

Василий Голицын. Кем же ты был прежде?

Трехглазов. Неважно, кем я был. Важно, кем я буду. Твоей тенью. Куда ты, туда и я. Пока я рядом, никто к тебе больше сзади не подкрадется.

Василий Голицын. Почему ты раньше колебался, а теперь вдруг согласился?

Трехглазов. Да уж не ради воеводства. На кой мне оно? Если ты хоть половину, хоть четверть исполнишь из того, о чем сейчас говорил, такого оберегателя надо оберегать. Ты нужен России.

является когда пожелает, без объявления. Сильвестр тоже философ, как и ты. А еще он поэт.

Сильвестр (*Трехглазову*). Ты философ? Какой же школы — греческой, латинской, немецкой или французской?

Трехглазов. Русской. (*Отходит в угол.*)

Василий Голицын. Не обращай на него внимания, Сильвестр. Он — моя тень. Рад тебе. Хочешь вина?

Сильвестр. Успенский пост, нельзя. Разве что ради вдохновения? Нет, сначала послушай стих. (*Воздымает руку, декламирует.*)

О, чудеса творящего всетворца нашего Бога
Сколь всеблага и достосиянна дорога!

Егда воздушная мира сего ясность
Питает в душе человеков прекрасность!
Беги прелготыя облаки страхования
И будешь утешен чрез сердца упование.
Во умных блюстилищах обрети смыслы
И сможешь исчислить бессчетныя числа.
Что буря мятежей и мраковетрия неки,
Ежели духом крепки человеки?
От ветротленныя дерзости тот погибоша,
Кто очи свои от истины сей отверзоша.

У Сильвестра срывается голос, он приподнимает очки,
вытирает слезы.

Сильвестр. Каково?

Василий Голицын. Сильно. Но у Овидия короче. И ясней.

Сильвестр. Что б ты понимал в поэзии, княже! Латинский язык точен и сух, оттого и зовется мертвым. А русский язык живой, его краса в буйности и словесном излишестве. Он ходит кругами, болтает вроде как ненужное и не всегда с ясным смыслом, но русский стих и не обращен к смыслу, он обращен прямо к сердцу. Что это за стихи, если в них сразу всё понятно? А впрочем, я вчера простые написал. Нарочно для тебя.

Бысть знаменитым средь вертепа —

то не великая есть лепа.

Се не подымет ввысь души. Свои заслуги

не пиши

Ты на бумаге суетрясной. Ей-ей, пиит,
се труд напрасный!

Трудись, чтоб весь себя отдать, а не любовь
толпы снискать.

Быть притчей на устах у всех — на что тебе
такой успех?

Василий Голицын. Да-да, я часто об этом думаю! Те, ради кого я жизнь кладу, меня не любят. Конечно, мои труды не для того, чтоб люди меня любили. Но здесь, Сильвестр, есть и другое, хуже. По правде говоря, я и сам их не люблю. Понимаешь, вот я думаю: «народ» — и люблю народ. А думаю про живых людей, какие они есть, и как-то не очень... Только таких, какими они когда-нибудь будут. Какими должны быть... Это меня... скребет. Словно я прикидываюсь, изображаю то, чего нет.

Сильвестр. Сын мой, да что людям за дело, любишь ты их или нет? Ты делай, что тебе велят ум и сердце, а там уж как сложится. Только не обманывайся, что стараешься для народа. Будь с собою честен.

Василий Голицын. А для кого же я, по-твоему, стараюсь?

Сильвестр. Для собственной души. Это тебе самому больше всех надо — отдать себя миру сполна. Исполнить всё, на что ты способен. Про то и мой стих.

Василий Голицын. То есть мое дело прокукарекать, а там хоть не рассветай?

наибольший порядок — в неподвижности, в смерти. И без нарушения порядка не бывает развития.

Сильвестр. А на твой взгляд, что такое Добро и Зло? Ну-ка, скажи.

Василий Голицын. Да очень просто. Добро — всякое действие, от которого человек или государство, вообще жизнь, становится лучше. Зло — наоборот.

Сильвестр. Нет, сын мой, так не получается. Что для одного человека лучше, то для дру-

гого может быть хуже. Тем более для государств. Добро и Зло действительно вещи совсем простые, да не так, как ты мыслишь.

Василий Голицын. Что ж, просвети меня.

Сильвестр. Зло — это детскость. Добро — взрослость. Вот и вся премудрость.

Василий Голицын. Опять твои парадоксы. Это дитя, чистая душа, у тебя — Зло?

Сильвестр. А то нет? Ты погляди на малого ребенка без умиления его малостью. Он жаден, себялюбив, гадит на себя, действует без мысли о других и о последствиях своих поступков, ни за что не хочет отвечать, ничего не знает и не понимает, бывает бездумно жесток. А теперь вообрази, что так ведет себя здоровенный мужчина лет сорока. Что ты про него скажешь? Исчадие ада. Взрослея, человек перестает пугаться чепухи, не пачкает себя, не тащит в рот всякую дрянь, прежде чем что-то делать — думает. А есть люди, достигающие истинной зрелости. Такие бывают мудрыми, терпеливыми, твердыми перед тем, кто силен, и мягкими с теми, кто слаб. Это и есть взрослость, это и есть Добро. Беда в том, что многие человеки — большинство — так до самой смерти и ведут себя по-младенчески. Всё зло мира, сын мой, оттого, что мир еще ребенок.

Василий Голицын. То же относится и к странам?

Сильвестр. Конечно. Есть страны, которые ведут себя как глупые трехлетки. Есть страны, которые подобны непоседливым отрокам. Есть задиристые и буйные, похожие на юношей. А взрослых стран на свете пока ни одной нету.

Василий Голицын. А что такое тогда Бог?

Сильвестр. Взрослый среди детей — неразумных, озорных, паршивых, всяких... Погоди... *(Вскакивает.)* Шевельнулось что-то... Господи, стих! «О чадо глупо, непутево, воздень горе свои глаза»... Нет. «Вотще свои тарашит очи дитя на скорбного отца»... Пойду я, князь, пока не ушло. Прощай.

Бормоча, семенит к выходу.

Василий Голицын *(смеясь)*. Я провожу. Опять заблудишься в переходах.

Трехглазов тенью следует за князем.

Василий Голицын. Тут-то за мной не ходи. В собственном доме мне опасаться нечего.

Голицын и Сильвестр выходят. Трехглазов остается. Оглядывает кабинет. Подходит к шкафам, смотрит на книги. Вдруг раздается скрип. Один из шкафов начинает двигаться. Трехглазов прячется в нишу.

Из открывшегося потайного хода появляется фигура, наглухо замотанная в плащ с капюшоном. Тихо ступая, входит в комнату.

Трехглазов взмахивает плеткой, захлестывает неизвестному шею, притягивает к себе. Заносит нож.

Трехглазов. Кто таков? Убью!

Софья. Пусти, невежа! Я государыня Софья Алексеевна!

Скидывает капюшон. Под плащом блестит парчовое платье. Трехглазов отступает, после паузы кланяется.

Софья. Это ты кто? Где князь Василий Васильевич?

Трехглазов. Я охранник его милости. Аникей Трехглазов. Князь сейчас вернется.

Софья. Вася взял охранника? На него напали?! Опять?! Кто? Говори!

Трехглазов. ...Двое каких-то в черном. С ножами.

Софья. Боже, то-то я места себе не нахожу... Он цел?

Трехглазов. Цел. Я был рядом. Я теперь всегда буду рядом.

Софья (*подходит, берет его обеими руками за ворот*). В глаза мне смотри. Я людей насквозь вижу, есть у меня от Бога такая сила... (*Долго молча на него смотрит.*) Нет, тебя насквозь не вижу. Но того, что разглядела, мне довольно. Ни на шаг от него не отходи, слышишь? Куда он, туда и ты. В опочивальне с ним запремся — под дверью карауль. Понял? (*Трехглазов кивает.*) Дороже головы во всей Руси, на всем свете нет. Сбереги мне ее.

Возвращается Василий Голицын.

Василий Голицын. Сонюшка! Как ты здесь? Случилось что?

Софья отталкивает Трехглазова, тот отступает к стене.
Софья бросается к князю в объятия.

Софья. Тревожно стало... И не виделась почти, как ты из похода вернулся. Только во дворце, при чужих. Вот и решила наведаться нашим тайным ходом. На тебя опять напали?

Василий Голицын. Пустое. У меня теперь вон — охрана. Я вижу, ты моего Аникея взглядом уже посверлила. Ну и как он тебе — гожд?

Софья. Будет негожд — в прах сотру... Свет мой, радость моя, Васенька! Как же я боялась, пока ты в походе был! А давеча, во дворце, мучи-

лась, что вижу тебя, но не могу при всех обнять, поцеловать!

Страстно его целует.

Василий Голицын. Я тебе про крымские дела еще не всё рассказал. Там есть материи, о которых боярам знать незачем. Думал, будем с тобой наедине...

Софья (*прерывает его поцелуями*). Потом про дела, потом...

Василий Голицын машет рукой Трехглазову: уйди! Тот отворачивается лицом к стене, но не уходит.

Василий Голицын. Когда мы вот так, вместе, я чувствую себя Платоновым андрогинном, о две головы и четыре руки, могучим и неязвимым, которому завидуют боги...

Софья (*со счастливым смехом*). Нет, Вася, мы не греки, мы русские. Мы с тобой — двуглавый орел.

Василий Голицын. Однако двуглавый орел — фигура не русская, а византийская, то есть тоже греческая. Она попала на Русь двести лет назад при государе...

Софья. Ну тебя с твоей ученостью... Помнишь, как ты мне, глупой дурочке, рассказывал про античную и русскую историю? Ах, как ты

был хорош! Ах, как я на тебя смотрела! Не думала ни про Фемистокла, ни про Владимира Красно Солнышко, а лишь про одно: отчего мы, царские дочери, такие несчастные? Отчего обречены до смерти девками вековать? На что мне такая злая судьба — родиться в царском тереме? Всё бы отдала, только бы прожить жизнь с Васей, или хоть бы полюбиться с ним... Ничего бы не утратилась! Да на что я ему, уродина, такому красивому, умному, ученому? Нет, правда, как ты меня любил? Ведь я дурнуха, в зеркало глядеться тошно.

Василий Голицын. Ты лучшая и прекраснейшая на свете. Я смотрю на тебя и вижу сияние. На Руси подобных тебе женщин не бывало со времен равноапостольной княгини Ольги. О тебе будут писать трактаты и слагать поэмы. Женщина, правящая страной, где женщин держат взаперти, где им не дают рта раскрыть. Государыня, при которой Россия повернется от тьмы к свету. Я не знаю, откуда в тебе столько смелости. Это тайна, перед которой я немею...

Софья. Какая тайна? Смелость моя, во-первых, от страха. Страх состариться на девичьей половине среди бабок, шутих и юродивых. А во-вторых, от любви. Ради того, чтоб быть с тобою, я на всё пойду. Да только мало во мне смелости. Если б я была по-настоящему смелой,

Картина четвертая
В ТРОННОЙ ЗАЛЕ

Из-за еще закрытого занавеса раздается торжественно-помпезная музыка: трубы, литавры, барабан. Потом стройный вопль множества голосов: «Слава государям! Слава России!»

Г о л о с д ь я к а (*медленно и монотонно читает*). «...За твою к нам многую и радетельную службу, что такие свирепые и исконные креста святаго и всего христианства неприятели твоею службою никогда не слыхано от наших царских ратей поражены и отложа свою обычную свирепую дерзость, приидоша в отчаяние и в ужас...»

Занавес раздвигается. Старинный текст постепенно вытесняется «переводом».

На двух престолах, рядом, сидят в одинаковых парадных облачениях царь Иван и царь Петр. У Ивана жидкая бородка, приоткрытый рот. Петр тощ и очень юн. На обоих царские одежды смотрятся нелепо.

Сбоку и сзади от Петра стоит Борис Голицын. У кулис в почтительной позе — Василий Голицын, он в золоченых доспехах. С противоположной стороны — дьяк с указом в руках.

Дьяк. «...Не поддаваясь на провокации неприятеля, ты, князь-оберегатель, не дал себя вовлечь в затяжные бои и тем избежал ненужных потерь. Устрашенное выдержкой нашей доблестной армии, ханское войско в бессильной злобе отступало до самого Перекопа».

Дьяк поворачивается к кулисам, подает знак. Луженые глотки снова орут: «Слава государям! Слава России!»

Дьяк. «А мая двадцатого числа ты, главнокомандующий, подошел к Перекопу, увидел, что тот сильно укреплен, и мудро повелел встать лагерь, дабы не губить христианские души в напрасном кровопролитии, чего, несомненно, ожидали коварные нехристи, заготовившие множество боеприпасов, вырывшие ямы с кольями и заложившие пороховые мины с намерением взорвать их, если бы русское воинство, возглавляй его менее мудрый командир, опрометчиво пошло бы на штурм, тем самым угодив в ловушку, которую...»

Запутывается в придаточных и машет хору — тот снова кричит: «Слава государям! Слава России!»

Пока дьяк пробирается через текст грамоты, цари, соскучившись, оживают. Сначала во весь рот зевает Иван. Петр пихает его локтем. Иван испуганно оглядывается на брата. Съезживается, сидит смиренно. Но тут начинает ерзать непоседливый Петр. К нему наклоняется Борис Голицын, шепчет на ухо. Петр распрямляется.

Дьяк. «...Которую православное воинство счастливо избежало благодаря твоему, князь-оберегатель, осторожному предвидению».

Иван вертит головой. Ловит муху. Рассматривает ее с большим интересом. Сует в рот. Выплевывает, плаксиво морщится. Петр опять толкает его в бок.

Дьяк. «Нависнув над воротами Крыма грозной тучей, наша славная армия заставила хана и

безбожных татар трепетать от ужаса. Они стали униженно и смиренно просить о мире, клянясь никогда больше не досаждать русским землям грабительскими набегами».

Машет рукой. «Слава государям! Слава России!» Петр ведет себя все беспокойней: его лицо искажается злобой, перекашивается судорогой. Борис Голицын успокаивающе касается плеча юноши, но это не помогает.

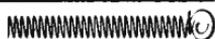
Иван, наоборот, начинает клевать носом.

Дьяк. «Посрамив и усмирив басурман, ты, князь-оберегатель, с великой славой повернул обратно, привезя с собой из похода много добычи, в числе которой и ханское знамя».

Василий Голицын делает жест. Из-за кулис выходит Трехглазов и подает ему знамя — обычную палку с довольно жалкой тряпкой. Голицын недоуменно смотрит на нее и, подумав, идет вперед. Кладет «знамя» к подножию трона.

Петр (*перебивает, переходя на истошный визг*). Ты с кем говоришь?! Не смей! Не прекословь царю, смерд! Много воли взял! Забрался к Соньке в постель и думаешь — ты царь! А держава тебе не Сонька! Не тот ты кобель, чтобы всю Россию...

Дьяк поспешно машет рукой. Вопли Петра заглушаются криками «Слава государям! Слава России!», «Слава государям! Слава России!», «Слава государям! Слава России!». Гремит бравурная музыка.

Иван (*плаксиво кричит, затыкая уши*). Не надо! Не надо!

Борис Голицын обхватывает Петра за плечи, тот вырывается, еще что-то кричит, но слов не слышно.

Борис Голицын (*кричит Василию*). Да уйди ты ради бога! Уйди!

Василий Голицын, покачав головой, уходит. Занавес закрывается, но музыка и крики «Слава государям! Слава России!» не стихают.

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА.

ВТОРОЙ АКТ

Картина пятая
У ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Занавес еще закрыт, но слышен «старинный» голос нараспев.

«Старинный» голос. «...Семь тыщ сто девяносто седьмого лета месяца аугуста первого дня память. Сего аугуста первого дня в понедельник во втором часу по заутрене у великой государыни честныя всеблагия царевны Софьи Алексеевны на Верху в ея государыниной светлице думано тайно...»

«Старинный» голос слабеет, вытесняемый «современным» голосом. Он лишен выражения, механистичен и звучит, как закадровый или синхронный перевод.

«Современный» голос. «Протокол секретного совещания правительственного комитета от 1 августа 1689 года. Присутствовали: глава государства царевна С.А. Романова, глава

правления В.В. Голицын; глава силового блока Ф.Л. Шакловитый; телохранитель А. Трехглазов. Слушали: О некоторых вопросах внутренней политики».

Тем временем занавес открывается. В «светлице» нет ничего девичьего — она выглядит как рабочий кабинет. Стол буквой Т. Во главе стола Софья. У меньшего стола, лицом друг к другу, сидят Василий Голицын и Федор Шакловитый. За спиной у Голицына, на некотором отдалении, стоит Трехглазов. За отдельным столиком сидит писец.

Софья. Так и сказал — что тебя судить надо? При всех?

Василий Голицын. Кричал и оскорбительное, чего повторять не буду. Да, он уже не ребенок. И люто нас ненавидит.

Софья. Щенок! Нет, волчонок! Подрос, а мы за многими заботами пропустили. Это хвороба опасная. Как бы в государстве не началась смута. Что будем делать? *(Писцу.)* Эй, дальше писать не надо. Выйди! *(Писец с поклоном пятится, исчезает.)* Что скажешь, Федор Леонтьевич? Беречь государство от смуты — твоя служба.

Шакловитый *(показывает на Трехглазова)*. Этот пусть тоже выйдет. Наш разговор не для лишних ушей.

Софья. Нет. Он при Василии Васильевиче должен быть всюду и всегда. Мой приказ.

Шакловитый *(пожимает плечами)*. Твоя воля... Скажи, князь, а ты не зря царевну пугаешь? У меня в Преображенском свои людишки. Еженедельно докладывают. Если кто и мутит воду, так это Петрова мать, царица Наталья. Мои соглядатаи доносят, что мальчишка глуп, в голове у него ветер. Ему бы только немецкое вино пить, на лодке под парусом плавать да с потешными конюхами под барабан маршировать.

Василий Голицын. Знаю я шпионов. Они всегда доносят, что хочет услышать начальство. Нет, царь вырос. И мириться со своим положением он больше не будет. Меня и Борис, двоюродный брат, предупреждал. Боюсь, царевна, твой замысел насчет Петра не исполнится. Не хватит времени. Да и не подчинится Петр. Не та натура.

Шакловитый. Какой такой замысел?

Софья с Голицыным переглядываются. Князь кивает царевне.

Софья. Я не дура, Федор. Давно знала, что братец Петруша когда-нибудь вырастет и

захочет настоящим царем стать. Закон на его стороне, да и баба-правительница всем как бельмо на глазу. Тут только один выход. Если б у старшего царя Ивана родился наследник, можно было бы объявить царем ребенка. Иван сам бы в монастырь ушел, Петра заставили бы. А малютку-царя мы с Василием Васильевичем воспитали бы. Оставили бы ему крепкую, обновленную державу, а сами бы... Но это тебя не касается.

Шакловитый. Замысел-то хорош, но есть закавыка. Царь Иван хоть и женат, да лишь для виду. Какие от него, убогого, дети? Уж не знаю, с кем его бедная царица дочку пригуляла.

Софья. Зато я знаю. Сама свела невестку с одним неболтливым молодцем. С первого раза не повезло — родилась дочка. Со второго, бог даст, получится и сын.

Василий Голицын. Говорю тебе: нет на это времени. И не отступится Петр от венца. Он бешеный.

Шакловитый. Мягок ты, Василий Васильевич. Не так с ним разговаривал. С бешеными нужна твердость. Они от твердости тишеют. Не наведаться ли мне, государыня, ко двору твоего любезного братца? Погляжу на него, потолкую. Может, не так страшен черт, как его малюют.

Софья. Что ж, Федор Леонтьевич, съезди. Петруша — волчонок, а ты матерый волчище. Погляди на него, вправь ему мозги. У молодой царицы Евдокии будет день ангела. Отвезешь от меня подарок.

Василий Голицын. И возьми с собой моего человека — Аникея Трехглазова.

Шакловитый (*усмехнувшись*). Для пригляда? Недоверчив ты стал, князь. Раньше таким не был.

Василий Голицын. У тебя учусь. (*Трехглазову.*) Один день без тебя обойдусь, чай не

сгину. Смотри, запоминай. Я твоему глазу и чутью верю.

Софья. Ладно, Федор, ступай. Пускай теперь дьяк Монетного двора войдет. Будем с ним про обменную меру рубля к талеру говорить.

Картина шестая

**РЕЗИДЕНЦИЯ ЦАРЯ ПЕТРА
В ПРЕОБРАЖЕНСКОМ**

Перед закрытым занавесом немец-офицер муштрует шеренгу «потешных». Они в одинаковых синих кафтанах, с белыми портупеями крест-накрест. Дудит флейтист, стучит барабанщик — оба неумело. Царь Петр стоит в стороне, нетерпеливо отстукивая темп тростью. Он в треуголке и синем кафтане, в ботфортах, на боку шпага.

Офицер. Antreten! Augen-rechts! Gerade-aus! Ein-zwei-drei! Ein-zwei-drei!*... Kehrt-um!**

Шеренга пытается сделать поворот кругом, рассыпается.

Царь Петр (*отбирает у барабанщика барабан*). Дай! (*Бьет.*) Вот так! Вот так!

Офицер. Ein-zwei-drei! Ein-zwei-drei! Links! Links!

* Строй, равняйся! Шагом марш! Ать-два-три!
Ать-два-три!

** Кру-гом!

Шеренга движется нестройно, неуклюжий недоросль все время сбивается с ноги.

Царь Петр (*сует барабан обратно барабанщику, колотит его тростью по спине*). Бей исправно, сучий сын!

Петр бежит к шеренге, встает в строй, старательно марширует, задирая свои длинные ноги. У него получается быстрее, чем у остальных, они начинают мельтешить, чтобы не отстать.

Офицер. Schneller! Schneller!*

Царь Петр. Сказано «шнелля», олухи! Нарочно вы, что ли?! Поспевай за мной!

Все очень стараются маршировать вместе с царем, у них даже начинает получаться.

Царь Петр. Гляди, капитан! Вот как надо!

Недоросль спотыкается, падает.

* Быстрей! Быстрей!

Борис Голицын. Петр Алексеич, ты как мой братец Василий-то не будь. Это ему народ нехорош — глуп, темен, пуглив. А нам с тобой в самый раз. Ему одного только не хватает, народу нашему.

Царь Петр (*понемногу успокаиваясь*). Чего?

Борис Голицын. А вот этого самого. К чему ты их приучаешь.

Царь Петр. В ногу ходить?

Борис Голицын. Ну да. Представь себе, что вся Россия в ногу затопает: левый-правый, левый-правый. Это ж земля содрогнется, Европа съежится. Народу порядок нужен. Правила. Же-

лезные. Если у стада баранов хорошие овчарки, это называется армия. А с хорошим пастухом — великая держава. Империя.

Царь Петр. Я порядок люблю. Чтобы всё правильно! Всё как положено! Чтоб каждый на своем месте! Чтоб дома в ряд, и внутри домов чтоб всё по правилам, и чтоб одежда какая указано, и работа, и веселье — всё! И чтобы дури в головах не было, а одна только польза! Государева польза!

Борис Голицын. Ну, в головы и в сердца ты к ним не залезешь... И зачем? В головах у них ничего интересного нет, и не надо нам, чтоб было. А сердца... Вот Василий мучается, что он людишкам жизнь легче сделал, а они его не любят. Это потому, что Василий хоть и умник, а ни черта не понимает. Народ у нас разве за это любит?

Царь Петр. А за что?

Борис Голицын. Тебя учителя учили, в чем веселие Руси?

Царь Петр. «Веселие Руси есть пити и не может без того быти». Владимир Красное Солнышко сказал.

Борис Голицын. Дурак он был, а не солнышко. Потому и Киев не устоял, сгинул. А Москва не сгинет. Веселие Руси, государь, есть ве-

личие. Наш русак будет в дырявой избе сидеть, сухой коркой кормиться, лупи его кнутом, детей отбери — но если дашь ему величие, всё тебе простит. И за величие тебя полюбит.

Царь Петр (*сдергивает с головы шапку, машет ей*). Я дам России величие! Чего-чего, а величие дам!

Женский голос. Петруша, шапку надень!

Царь Петр (*отмахиваясь*). Ай, матушка! (*Борису.*) Нет от бабья покоя! Мать дура, жена дура, а хуже всех Сонька.

Борис Голицын. Ну, она-то не дура...

Царь Петр. Ненавижу! Ты говорил, недолго уже ждать.

Борис Голицын. Недолго. Сказано тебе: «не всё сразу». Скоро твоя будет Россия. Увидишь.

Царь Петр. Да как? Откуда? У Соньки всё: стрельцы, пушки, казна. А у меня только дурни потешные... (*Кивает туда, откуда доносится звук флейты и барабана.*)

Женский голос. Петруша, шапку!

Борис Голицын. У царевны Софьи разум отдельно, кулак отдельно. Разум — мой брат, мечтатель расчудесный. Кулак — Федор Шакловитый, чугунная башка. Наше дело — подождать,

Картина седьмая

**ЦАРСКИЕ ПОКОИ
В ПРЕОБРАЖЕНСКОМ**

Деревянные, обветшавшие палаты. На сцене две царичи — одна средних лет, Наталья Кирилловна, мать Петра, другая совсем девочка, его жена Евдокия. Обе празднично одеты, набелены, нарумянены. Стоят около стола, на котором разложены подарки.

Из окна доносятся звуки флейты, стучит барабан.

Царица Евдокия (*достает из коробки зеркало на подставке*). Ой, матушка, гляди, какая красота! Это мне английские купцы прислали!

С удовольствием смотрится в зеркало.

Царица Наталья. Дай-ка сюда, Евдокеюшка... (*Отбирает зеркало, разглядывает себя, поправляет кичу.*) Ай, хорошее зеркало, ласковое. Молодит. Возьму. На что тебе молодиться, ты и так молода...

Царица Евдокия. Матушка, Наталья Кирилловна! Ты уже забрала венецкое кружево,

перламутровый гребень, горностаевую полушубку. Зеркало хоть оставь!

Пробует отобразить зеркало обратно.

Царица Наталья. Не навсегда беру. На время. Помру — всё тебе достанется.

Царица Евдокия (*со вздохом*). Бери, что ж. Может, зеркало мне тоже приснилось...

Царица Наталья. Опять она про сон! Сколько можно?

Царица Евдокия. А то не сон? Была я девушка как девушка, звали Парашей Лопухиной, жила себе с отцом-матерью. Вдруг увезли из дома в царские палаты, стали мять-щупать, одевать-раздевать, будто куклу. Сказали: будешь царицей всея Руси. Повенчали с каким-то. Первый раз его

в церкви увидела. А он мальчишка совсем, на три года младше, пух на губе. Слюной брызжет, дергается, табачным зельем пахнет... Говорят: ты теперь не Прасковья Илларионовна, дворянская дочь. Ты теперь Евдокия Федоровна, царица. А кто это — «Евдокия Федоровна, царица»? Может, и не я вовсе. Может, снится мне всё...

Царица Наталья. Дура! Ущипнуть, чтоб проснулась?

Щиплет.

Царица Евдокия. Ай!

Царица Наталья. Проснулась наконец? Или еще хочешь?

Царица Евдокия (*потирая ущипленное место*). Проснулась... Ну а коли я не сплю и я вправду царица, отдавай назад мои подарки! (*Хватает со стола зеркало.*) Я при живом царе царица, а ты кто? Вдова? Так ступай в монастырь, иконам молись! Зачем тебе зеркало? И гребень отдавай! И полубубку!

Женщины тянут подарки каждая в свою сторону.

Голос из-за сцены (*торжественный*). К ее царскому величеству государыне Евдокии Федоровне начальник Стрелецкого приказа окольный Федор Шакловитый!

Идет, подает Евдокии икону. Евдокия вжимается в кресло, икону скорее откладывает в сторону. Шакловитый снова делает знак — Трехглазов дает ему сверток, перевязанный лентой.

Шакловитый (*царице Наталье*). Есть подарок и для тебя, Наталья Кирилловна. Государыня жалует тебя приличным твоему сану облачением. (*Вынимает из свертка монашескую рясу.*) Стало Софье Алексеевне ведомо, что ты собралась в монастырь. Что ж, дело благое, божеское. Да и пора.

Царица Наталья вскакивает, пьтится к окну.

Царица Наталья. Петруша! Петруша!

Флейта и барабан смолкают. Шакловитый спокойно оборачивается к кулисам, откуда выбегает Петр.

Петр. Что, матушка? (*Видит Шакловитого. Застывает.*) Ты?! Что?! Зачем?

Царица Наталья. Петя, они меня в монастырь! Петя!

Шакловитый (*небрежно поклонившись*). Здравствуй, Петр Алексеевич. Что это ты немцем вырядился? Нехорошо. Мои стрельцы недовольны. Говорят, младший царь нас, русских воинов, не любит, ему немецкие штуки по нраву. Сам знаешь, какие они — стрельцы. Я хоть над ними начальник, а сам их боюсь. Взбесятся — не удер-

жишь. Помнишь, как они во дворец ворвались? Как дядьев твоих растерзали? Не приведи господь, сызнова такое случится. Сделай милость, твое величество, послушай совета верного слуги. Облачись-ка ты в наше, русское платье да пожайлуй со мной в Москву. Объедем с тобой полки, скажешь стрельцам ласковое слово, одаришь их зеленым вином. Глядишь, они и успокоятся...

Слушая Шакловитого, Петр начинает судорожно дергаться — всё заметнее, всё сильнее.

Петр (*фальцетом, захлебываясь от ярости*). Ты... мне... указывать?! Ты мне — стрелцами угрожать?! Пес, пес! Маленького меня не доби-ли, теперь хотите?! Да я теперь не тот... Не тот!

Шакловитый (*спокойно, с усмешкой*). Не кот? Конечно, ты не кот. Коли я пес, то ты — котенок.

Петр (*оборачиваясь*). Эй, преображенцы! Сюда! Ко мне!

Вбегают двое дюжих молодцов в таких же, как у Петра, кафтанах, с белыми портупьями крест-накрест.

Петр. Взять его, вора! Связать! В подвал его! В темницу!

Шакловитый. Государь, ты в своем уме?

Он отступает.

Петр (*задыхаясь*). Ку...куда? Ку...да? Взять!

Потешные хватают Шакловитого под руки.

Шакловитый. Раскудахтался, петушок! В Москве стрельцов двадцать тысяч. Они тут камня на камне не оставят. Разнесут твой курятник вместе с цыплятами!

Петр. Я... петушок?! Ты это... мне... царю?! Руби его, ребята! Я сам... сам...

Хочет вытащить шпагу, но у него начинается припадок. Петр рвет на себе ворот, хрипит, валится, бьет каблуками по полу.

Евдокия визжит.

Царица Наталья. Опять! Опять! Петенька!

Кидается к сыну, но не может его удержать.

Трехглазов, который до сих пор стоял неподвижно, подходит к преображенцам.

Трехглазов. Что стоите, дурни? Держите царя, пока он себя не покалечил.

Потешные бросаются к Петру, а Трехглазов хватается Шакловитого за руку и тащит прочь. Они исчезают под бессвязные вопли Петра, визг царицы Евдокии и причитания царицы Натальи.

Картина восьмая
У ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Ночь. Гроза. Время от времени раскаты грома, вспышки молний, порывы ветра, шум ливня.

Раздвигается занавес. Софья, Василий Голицын, Шакловитый и Трехглазов точно в таком же положении, как в пятой картине, только тогда был день, а сейчас горят свечи: царевна во главе стола, министры напротив друг друга, охранник поодаль, за спиной у князя.

Василий Голицын. А теперь, Федор Леонтьевич, я тебе скажу то же, что ты мне говорил давеча. Ты не чересчур нас пугаешь?

Шакловитый. Какое чересчур! Ты бы его лицо видел! Звереныш лютый. Кабы не твой человек, князь, изрубил бы меня на месте. Решать надо. И быстро. Промедлим — будет поздно. Дело к крови идет. К большой крови. И чем дольше протянем, тем обильней она прольется... Иначе скажу. Тут решается, чья кровь прольется: его или наша.

знаешь, чем кончилось. Только душу свою погубил, измаялся и сгинул.

Шакловитый. Государыня, твое слово! Яви твердость. Петр-то тебя не пожалеет. Запрёт до конца дней в темницу, уморит, не выпустит. По мне, так лучше под топор. Неужто ты не понимаешь: или ты его, или он тебя, третьего не будет. Ты мне ничего такого не приказывай. Только скажи: «Действуй, Федор, как считаешь нужным». Сам исполню, у меня уж всё готово. Рассказать? ...Да скажи ты хоть что-нибудь!

Софья (*вдруг повернувшись к Трехглазову*).
А что ты про это думаешь?

Трехглазов. ...Три года стояла наша артель лагерем на берегу реки Амур. Хорошо там было, укромно. Много птицы, рыбы, травяные луга. Одна беда — пропасть гадюк. Всех лошадей перекусали. А лошади в Сибири дороги.

Шакловитый. Нашел время сказки рассказывать.

Софья. Погоди, Федор Леонтьевич. Ну?

Трехглазов. Били мы змей, били, да всех не изведешь. И вот как-то иду я по тропе. Вижу — змееныш. Маленький еще, небыстрый. Пасть разевает, а зубчонки в ней крохотные. Вроде дитя, а вырастет — не дай бог.

Софья. И что?

ных с потешными вырежем. А коли Аникей промахнулся, прикончим и мальчишку. Деться ему будет некуда, а стрельцам отступать поздно. Замысел верный, царевна, осечки не будет. Только головой кивни!

Трехглазов. Я служу не царевне. Я служу князю.

Все смотрят на Василия Голицына. Он молчит.

Царевна Софья. Выйдите оба. Оставьте меня с князем Василием.

Шакловитый, оглядываясь на каждом шагу, выходит.

Трехглазов уходит, не оборачиваясь.

Царевна Софья. ...Вася, помнишь, как ты со мной тогда говорил, семь лет назад... Тоже всё решалось. Подниматься мне против Нарышкиных или нет. Оставаться девкой-царевной в светелке или драться за власть... Я плакала, боялась — как это: мне — и власть? Ты помнишь?

Василий Голицын. Еще бы не помнить. Ты была совсем девочка, у тебя дрожали губы. Мое сердце разрывалось от жалости. Но отступить было нельзя. Нарышкины, прощелыги, растащили бы, развалили бы страну.

Царевна Софья (*подходит к нему*). Я говорила тебе, что не сумею править. Что я не знаю — как это: править. Помнишь, что ты мне сказал? Ты сказал: «Власть — это очень трудно, но и очень просто. Нужно перестать думать о себе, вот и всё. Твое тело — вся страна. Ее лихорадит — тебя лихорадит. Ей больно — тебе больно. Твоя душа — народ. Он спасется — и она спасется. Он погибнет — и она погибнет». Вот как ты тогда мне сказал. А сейчас ты боишься погубить душу. Где твоя душа, Вася? Какая она? Здесь, маленькая? (*Касается его груди.*) Или там, большая? (*Делает широкий жест рукой.*)

Удар грома. Василий Голицын молчит, опустив голову.

Царевна Софья (*жалобно*). И что делать мне? Кто я? Правительница, на плечах которой держава на тысячи верст, от Шведского моря до Китайского океана? Или я баба, которой твоя маленькая душа дороже всего на свете? Скажи мне, Вася. Как тебе лучше, так я и сделаю.

Голицын молчит.

Царевна Софья. ...Только ведь разлучат нас. Никогда больше не свидимся. Ты часто говоришь: история, история. Кем мы с тобой оста-

немся в истории? Правительница с любовником, которые не удержали ни своей страны, ни своей любви. Говори, Вася. Не молчи.

Голицын молчит.

Царевна Софья. Я поняла про власть еще одно, чего ты мне тогда не договорил. Потом сама дошла. Правитель — тот, кто способен решиться на страшное. И большая душа, душа державы, для него важнее собственной. А если своя душа дороже — лучше уйди. Но я не уйду. И ради державы, и ради нас с тобой. Не говори ничего своему Трехглазову. Обойдемся без него. Бог даст, стрельцы и так управятся. Не мучай себя, Вася. Сбереги свою душу. Я знаю: ты себя после изгрызешь. Не надо. Я все возьму на себя. А на том свете уж — как выйдет. То ли простит меня Бог, то ли нет. Его воля.

Василий Голицын (*подняв голову*). Нет!
Вместе так вместе!

Порыв ветра, распаивается окно. Врываются звуки бури. Свечи гаснут. На сцене становится темно.

Картина девятая
В ПРЕОБРАЖЕНСКОМ.
НА ПРУДУ

Вечер. Борис Голицын и Петр на пруду, около причала, возятся с лодкой. Борис Голицын держит в руках штурвал, Петр глядит в чертеж.

Петр. Как же его сажают?

Борис Голицын. Пойдем, государь, спать. Поздно.

Петр. Какое спать? Гляди, какую красоту мне изготовил мастер Краузе! Настоящий штурвал! Хоть на фрегат ставь! Давай его сюда!

Берет штурвал, пробует установить.

Борис Голицын. Это лодка старая, негодная. И здесь, на пруду, не расплаваешься. Поедем на Плещеево озеро — там попробуем. А после станем настоящие фрегаты строить. И не только фрегаты. Заведем трехпалубные корабли, стопушечные. А ну, поберегись, Турция! Посторонись, Европа! Дорогу российскому флагу!

Трехглазов. Лежи тихо, боярин. Тебя убивать не велено.

Подходит к Петру. Достает из-за пояса второй пистолет. Царь пробует приподняться, закрывается рукой. Трехглазов стреляет ему в голову.

Трехглазов. Ну вот. Теперь не ужалит.

Неторопливо, спокойно уходит.

Борис Голицын со стоном встает. Шатаясь, подходит к убитому. Опускается на колени.

Борис Голицын. Господи! Убит, убит... И ничего не будет. Ничего, о чем мечтали... Ни флота. Ни побед. Ни окна в Европу. Ни правильной столицы на морском берегу. Ни империи... Не быть России великой... *(Горько рыдает.)*

Занавес у него за спиной закрывается. Сгущается тьма. Луч прожектора направлен на мертвого Петра и скорбящего боярина. Звучит траурная музыка. Прожектор гаснет. Пауза. Должно быть полное ощущение, что спектакль закончен.

Голос Софьи. А на том свете уж — как выйдет. То ли простит меня Бог, то ли нет. Его воля.

Голос Василия Голицына. Нет! Вместе так вместе!

Рев ветра. Звук распахнувшегося окна.

Картина десятая
У ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Занавес открылся. Время вернулось назад.
На сцене темно. Воет ветер. Потом слышно, как закрывают окно. Шум бури становится тише. Потом вспыхивает огонек. Зажигаются одна за другой свечи.
Окно закрыл Василий Голицын. Свечи зажгла Софья.
Продолжается ранее прерванная сцена.

Царевна Софья. Так ты согласен? Согласен?

Василий Голицын. На что согласен? Чтоб я отошел в сторону и умыл руки? А ты взяла весь грех на себя? И кто я после этого буду? Как мне потом жить? Нет!

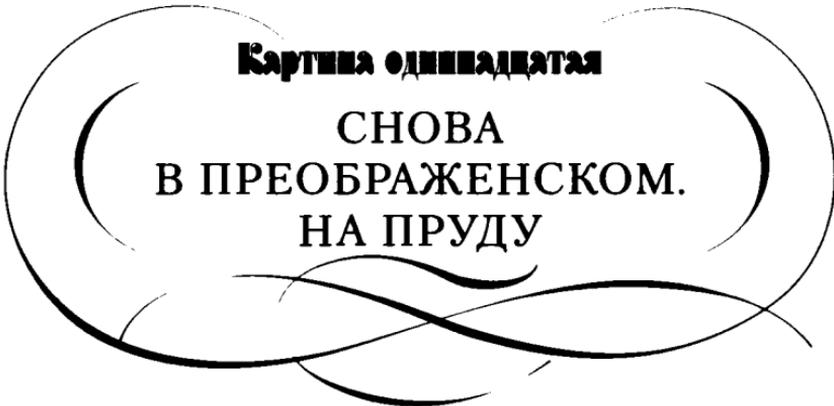
Царевна Софья. «Кто я буду». «Как мне жить». О себе думаешь? Не о стране, не о народе? Не обо мне?

Василий Голицын. О тебе, о нас с тобой... Я не так тебя учил. Я ошибался. Душа не бывает ни маленькой, ни большой. Она — душа.

Картина одиннадцатая

**СНОВА
В ПРЕОБРАЖЕНСКОМ.
НА ПРУДУ**

Всё в точности так же, как было в начале девятой картины. Борис Голицын и Петр на пруду, около причала, возятся со старой лодкой. Борис Голицын держит в руках штурвал, Петр глядит в чертеж.

Петр. Как же его сажают?

Борис Голицын. Пойдем, государь, спать.
Поздно.

Петр. Какое спать? Гляди, какую красоту мне изготовил мастер Краузе! Настоящий штурвал! Хоть на фрегат ставь! Давай его сюда!

Берет штурвал, пробует установить.

Борис Голицын. Это лодка старая, негодная. И здесь, на пруду, не расплаваешься. Поедем на Плещеево озеро — там попробуем. А после станем настоящие фрегаты строить. И не только фрегаты. Заведем трехпалубные корабли, стопу-

шечные. А ну, поберегись, Турция! Посторонись, Европа! Дорогу российскому флагу!

Петр. И ка-ак вдарим по ним из всех орудий! Дадах! Дадах!

Борис Голицын. Не посторонятся, так и вдарим.

Петр. И столицу поставлю новую на море, на пустом берегу! Ненавижу Москву, деревянную, бестолковую, шушу по углам! Поставлю город такой, какой надо — правильный. Чтоб весь квадратами, по регламенту! Буду там жить!

Борис Голицын. Твоя воля, государь. Как прикажешь, так и будет. Страна как корабль: куда захочет капитан, туда и поплывет.

Петр заканчивает укреплять штурвал.

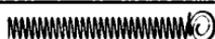
Петр. Команда, слушай капитана! Поднять штандарт! Полный вперед! Пушки, пли!

Из-за кулис выбегает Трехглазов.

Трехглазов. Государь! Беда! Из Москвы стрельцы идут! Их послал Шакловитый тебя убить! Спасайся!

Петр. Аааа! Что...? Борис...! Куда...? В Троицу! Отсидеться! Борис, коня!

Мечется. Борис Голицын хватает его, удерживает.

Борис Голицын. Погоди, государь... Ты кто такой? Я тебя видел! Ты человек Василия!

Трехглазов. Я человек сам по себе.

Борис Голицын. А далеко стрельцы?

Трехглазов. В набат бьют.

Борис Голицын. Ну, это долго еще. Чай не немцы, быстро не запрягут. *(Хлопает себя по боку.)* А ведь это удача! Ай, славно!

Петр. Какая удача?! Ты что? Меня убить хотят!

Борис Голицын. Хотят, да не убьют. Время есть, государь. Сейчас соберемся, поедем в Троицу, под защиту крепких стен. Оттуда на всю страну объявим, что Софья хотела известить царя Петра Алексеевича, что ты еле-еле спасся, вскачь. Теперь царевне конец. На законного государя поднялась. Наша взяла. Россия твоя, государь!

Петр. Да?

Борис Голицын. Уж не сомневайся. Всё будет. Всё, о чем говорили. И флот, и победы, и новая столица на привольном берегу. Ты будешь Петром Великим. Россия будет великой!

Петр. Я буду великим? Петром Великим?

Борис Голицын *(Трехглазову)*. Ты почему не с Василием, а со мной?

Трехглазов. Я как вода. Вода вверх не течет. Лучше с тобой кое-как, чем с ним — никак.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Действующие лица	7
------------------------	---

ПЕРВЫЙ АКТ

<i>Картина первая.</i> В кружале	11
<i>Картина вторая.</i> На ночной улице	23
<i>Картина третья.</i> В палатах Василия Голицына	37
<i>Картина четвертая.</i> В тронной зале	61

ВТОРОЙ АКТ

<i>Картина пятая.</i> У царевны Софьи	73
<i>Картина шестая.</i> Резиденция царя Петра в Преображенском	81
<i>Картина седьмая.</i> Царские покои в Преображенском	91
<i>Картина восьмая.</i> У царевны Софьи	101
<i>Картина девятая.</i> В Преображенском. На пруду	111
<i>Картина десятая.</i> У царевны Софьи	117
<i>Картина одиннадцатая.</i> Снова в Преображенском. На пруду	121

Литературно-художественное издание

**История Российского государства
в романах и повестях**

16+

Борис Акунин

УБИТЬ ЗМЕЕНЫША

Пьеса

**Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»**

**Зав. группой *М.С. Сергеева*
Ответственный редактор *Т.Н. Захарова*
Компьютерная верстка *С.Б. Клещев***

Подписано в печать 26.01.2018 г. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 6,72. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1226/18.

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

**Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: zhanry@ast.ru**

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, I кұрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E - mail: zhanry@ast.ru

**Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.**

**Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған**

**Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print.ru**

*«Русские не римляне,
им хлеба и зрелищ много не нужно.
Зато нужна великая цель, и мы ее дадим.
А где цель, там и цепь... Если же всякий
начнет печься о собственном счастье,
то что от России останется?»*

Пьеса «Убить Змееныша» закрывает тему XVII века в проекте Бориса Акунина «История Российского государства» и заставляет задуматься о развилках российской истории, о том, что все и всегда могло получиться иначе.

Пьеса стала частью нового спектакля-триптиха РАМТ «Последние дни» в постановке Алексея Бородина, где сходятся не только герои, но и авторы, разминувшиеся в веках: Александр Пушкин рассказывает историю «Медного всадника» и сам попадает в поле зрения Михаила Булгакова. А из XXI столетия Борис Акунин наблюдает за юным царевичем Петром:
«...И ничего не будет. Ничего, о чем мечтали...
Ни флота. Ни побед. Ни окна в Европу.
Ни правильной столицы на морском
берегу. Ни империи.
Не быть России великой...»

ISBN 978-5-17-106950-6

9 785171 069506

www.ast.ru